

Конкурентноспособна ли наукообразная ложь?

(из Вступления к III редакции

«Прародины ариев» Ю. А. Шилова [1995; 2013])

.....

Замысел монографии «Прародина ариев» возник в 1971-1977 гг., когда мною были открыты фигурные курганы (упоминавшиеся до того А. А. Бобринским, И. В. Синициным, И. Т. Черняковым и Н. М. Шмаглием, – не говоря уж про утвердившиеся зарубежом открытия «Мальтийских богинь», «культуры изобразительных курганов» долины Миссисипи, и т. п.), а в них да в росписях кеми-обинских гробниц – отражение «космогонических мифов Ригведы» [Археологія 1977, 22, с. 51-55]. На протяжении следующего десятилетия вызрела методика исполнения данного замысла, которая была воплощена в учебное пособие «Археологічні дослідження курганів» А. Н. Чмыхова, Ю. А. Шилова, П. Л. Корниенко. Между двумя его изданиями (Киев: КГУ, 1986 и 1989) в Институте археологии АН УССР мне, Ю. А. Шилову, была утверждена тема докторской диссертации под рабочим названием «Идеологические представления степного населения Восточной Европы в III – середине II тыс. до н. э.» (протокол №17 от 29.12.1987, и след.). По данной теме мне было дозволено (протоколы от 16.02.1987 и 21.04.1988 за подписями П. А. Горишнего, В. В. Отрощенко, И. И. Артеменко, В. А. Круца) опубликовать статьи «Древнейшие курганы и мифотворчество» ([Македонски фолклор 1987, XX: 39-40], ИФ им. Марко Цепенкова, Скопје, СФРЮ) и «Мифы о „космических странниках” и календарная служба Европы V-I тысячелетий до н. э.» ([Историко-астрономические исследования 1992, XXIII], Российский национальный Комитет по истории и философии науки и техники, Москва, РФ). Выход второй статьи совпал с разрешением дирекции ИА НАН Украины открыть мне в журнале «Археологія» [1992, 4] дискуссию «Новий етап археологічного освоєння курганів енеоліту – бронзи Південно-Східної Європи». Подводя итог дискуссии в 2001 г., я отмечу, что она с самого начала приняла характер шельмования – не без участия члена редколлегии В. В. Отрощенко. Он же и др. причастны к тому, что в сборнике «60 років Інституту археології НАН України» (К., 1994) 23-летняя работа Ю. А. Шилова не упомянута вовсе, а главным исследователем проблемы «возникновения и существенного развития курганного строительства» назначен Ю. Я. Рассемакин, подельник Отрощенко с публикаций в «Археології» 1992/4.

С 1994-1995 гг. „дискуссия” вышла на новый, гораздо более гнусный виток. Основу его заложила не причастная к ней, на первый взгляд, монография сотрудника ИА НАНУ Л. Л. Зализняка «Нариси стародавньої історії України» (К., 1994). На с. 84-101 автор пишет: «В наше время четыре региона претендуют на право называться индоевропейской прародиной: Ближний Восток (Т. Гамкрелидзе и В. Иванов, К. Ренфрю) {...} Ближний Восток не мог быть прародиной индоевропейцев потому, что был родиной семитской семьи народов (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 880). {...} В известной мере это касается и его северо-восточного форпоста – трипольской культуры {которая} непосредственно влияла на предков будущих скотоводов – охотников и рыбаков лесостепей бассейнов Днестра и Донца. Последние получили от балканских потомков древнейших земледельцев и скотоводов Ближнего Востока не только навыки воспроизводящего хозяйства, а и прасемитскую да праиндоевропейскую сельскохозяйственную терминологию. {...} Итак, праиндоевропейцы сформировались из коренного североевропейского охотничье-рыболовецкого населения в условиях тесных культурно-генетических контактов с северо-восточной периферией ближневосточной цивилизации». Сия фальсификация исторических источников и конструирование этнократического мифа (см. ниже о сборнике 2011 г. под редакцией Петрова и Шнирельмана) просионского толка вызвала мою отповедь, публикация которой сказалась на монографии «Прародина ариев» (К., 1995) как выполненной мною докторской диссертации. При её обсуждении было указано [Археологія 1996, 2, с. 110*]: та публикация – показатель того, что автор записался «в профессиональные «бандеровцы» {и} уже формулирует украинскую национальную идею». А, каков академический стиль да уровень полемики!? На том В. В. Отрощенко и

дальше стоял. Поскольку в коллективной монографии ведущих специалистов ИА НАНУ «Етнічна історія давньої України» (К., 2000 [с. 25-26, 35]) означил: «В последнее время преобладает взгляд на трипольскую культуру как на неиндоевропейскую вообще {...} непременно с большими горбатыми носами – далекие посланцы с Ближнего Востока. {...} Учитывая сказанное, необходимо осторожно касаться арийского аспекта праистории Украины и помнить, что, по мнению ряда авторитетных учёных, его не было вообще. То есть, что прародина ариев находилась далеко от Украины. Игнорирование этих предостережений переводит научную проблему в сферу политиканства. В последние годы выш[ел] {...} том Ю. А. Шилова написанный в жанре» и т. д., и т. п. Обратите внимание: выдавание традиционной сово- и черепахоголовости трипольских статуэток (по В. М. Массону, В. Н. Даниленко, и др.) за этно-антропологический признак прасемитов преподносится как главнейший и бесспорный «факт перетекания излишков раннеземледельческого населения с {семитского} Ближнего Востока на Балканы» (Зализняк) и далее, – а вот системное открытие прародины ариев в украинском Поднепровье «переводит научную проблему в сферу политиканства {...} в жанре фантастики с элементами мистики» (Отрощенко). Такая позиция моих оппонентов была закреплена в статье Л. Л. Зализняка «*«Свина як критерій нордичних народів та семітів»*», опубликованной в научном историко-филологическом журнале «Київська старовина» (К., 2002, № 3), а также, под академическим названием, в «Археології» (2002, 4).

Подборка научных отзывов и рецензия академика О. Н. Трубочёва на первое издание «Прародины ариев» опубликованы во втором издании этой монографии Ю. А. Шилова (Москва–Киев–Минск: «Русская Правда», 2013). Положительных и при этом толковых в 1995-1996 гг. было большинство. А вышеизложенная бестолочь Отрощенко, Зализняка, Рассамакина и т. п. 1992-2002 гг. стала фактологическо-идейной основой для последующей „критики” трудов Ю. А. Шилова со стороны... о чём см. ниже, после методико-методологической ремарки:

Любой труд, как и всё на белом свете, имеет свои «+» и «-». Это Закон МИРОЗДАНИЯ, который ощущает всяк сущий. Однако исследователь обязан, к тому же, непременно осознавать этический предел ковыряния в смертоносном полюсе любого явления (а то ведь взорвёшь его, чрезмерно «-»-небытие стимульнув!). Воистину научные критики это хорошо знают – и то ли благожелательно не провоцируют взрыв, то ли злонамеренно его организуют. Признаками вторых являются: выдёргивание цитат из контекстов, жонглирование обрезками тех и других, смешивание научных работ автора с его же просветительскими публикациями (часто-густо до неузнаваемости отредактированными работниками СМИ), последующее включение учёного в ряд дилетантов, и т. п. Этический критик-«плюсовик» такой непристойности себе не позволит.

Увы, поименованные критики Шилова – отъявленные «минусовики», на что я не раз печатно указывал своим коллегам из Киева. Однако недавно сие же критиканство подхвачено в книгах, опубликованных в Санкт-Петербурге и в Москве. Случайно или нет, но выход сих публикаций В. А. Шнирельмана и Л. С. Клейна последовал за выходом двух редакций монографии Ю. А. Шилова «Основы славянской цивилизации» (Киев: МАУП, 2004; Москва: «Осознание», 2008) – новыми критиками, правда, не упоминаемой; те по-прежнему сосредоточены на «Прародине ариев» 1995 года.

В. А. Шнирельман – соредатор и главный автор академического (Институт археологии РАН, Отделение историко-филологических наук РАН) сборника «Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов» (М.: ИА РАН, 2011; на основе круглого стола 17.09.2007) – поместил в данной книге свою статью «От «Влесовой книги» до «арийской идеи»: украинский дискурс». На нескольких её страницах разбираются статьи, научные книжки и повесть-эссе «Победа!» Шилова; «Прародина ариев» едва упомянута... Обращает внимание родство стилей, пунктов, контраргументов Шнирельмана и его поименованных выше предшественников – которым, мол, «дискуссия, проведенная украинским журналом «Археологія», показала, что украинские специалисты-археологи весьма скептически воспринимают построения Шилова» [2011, с. 167]. Но это всего лишь об «Археології» 1992/4. А ведь дискуссия –

стержнем которой стали учебник А. Н. Чмыхова, Ю. А. Шилова, П. Л. Корниенко «Археологічні дослідження курганів» (К.: КГУ, 1989) и указанная монография центрального автора – была продолжена в номерах 1995/2 и 1996/2. В последнем Шилов дал отповедь "критикам", а итоги начатой им в 1992 г. дискуссии подвёл в своём сборнике [2001, с. 3-17], на который Шнирельман ссылается [2011, с. 169, сн. 34] – замалчивая при этом подлинное завершение дискуссии. Вполне закономерно, что скептически настроенные «специалисты-археологи» à la Шнирельман ничего лучшего на тему учебника 1989 г., положенного в основу методики «Прародины ариев», создать не смогли: *ломать*, ведь, *не строить*.

Довольно типичен для критика-ломателя да его предшественников и такой вот пассаж: Шилов утверждает-де, «что в VI-III тыс. до н. э. на Украине существовало «древнейшее в мире первобытно-коммунистическое индоевропейское государство Аратта» (вот уж поистине Тысячелетний Рейх, о котором не могли и мечтать германские нацистские учёные! – *В.Ш.*)³², что {...} именно «трипольцы-арийцы» сделали неоценимый вклад в развитие шумерской цивилизации (здесь профессиональный археолог повторяет зады дилетантских построений ряда украинских эмигрантов типа Л. Силенко. – *В.Ш.*).» [2011, там же]. Что, где и как утверждает Шилов, а какие цитаты сочинил за него Шнирельман – непонятно, т. к. в сноске 32 говорится о публикациях не Ю. А. Шилова, а иных авторов. В. А. Шнирельман – будучи выпускником истфака МГУ и сотрудником Института этнологии и антропологии РАН – конечно же знает, что *первобытно-коммунистическая* дефиниция закреплена в научном обороте отнюдь не идеологами нацистского Рейха, а предшествующими основоположниками марксизма. Который сознательно подменён здесь "критиком" на фашизм, дабы сей страшилкой (à la Зализняк в своей «Свинье {...}» 2002 г.) отвадить Шилова и его читателей от поиска корней индоевропейской, а заодно и славяно-украинской цивилизации. Тут же говоря о *задах* поисков последней, Шнирельман "забывает" упомянуть отнюдь не дилетантов Г. Кларка и С. Пиггота, Э. Анати, В. Шмидта, Л. А. Ведделла и др. – на работы и выводы которых опирается в своей «Мага Вірі» Л. Силенко (Нью-Йорк, Торонто, Лондон и др.; 1979 и сл.). Кстати, разделы книги со ссылками на указанные научные авторитеты называются «Совість історичної науки». С чего бы это, – а, господин Шнирельман?

Закономерно (с позиции умышленного изничтожения «+»), что испохабив «Совість історичної науки», Шнирельман [2011, с. 167-169] подтёсывает под уровень историка-любителя Силенко и суперпрофессионалов, сотрудничавших с Шиловым – автором «Прародины ариев». Сей ученик В. Н. Даниленко (1913-1982) отступился, мол, от учителя, который «весьма критически относился к идее появления письменности {...} в глубокой первобытности, будь то трипольская или какая-либо иная культура эпох неолита-энеолита». А вот что пишет в своей монографии «Священна країна хліборобів» В. Ф. Мицик (К., 2006 [с. 103-105]), ещё один ученик того же учителя: «Изучая в 1977 году данные надписи на фрагментах {сосудов}, доктор {исторических наук} Валентин Даниленко {...} ответил утвердительно: у трипольцев-ориев сложилась своеобразная система письма и счёта. {...} шумеролог Анатолий Кифишин {...} письменные знаки из Майданецкого прагорода {...} прочитал следующим образом» и т. д. Так что не один Ю. А. Шилов «опирается на фантазии маргинального российского ассириолога А. Г. Кифишина, который, не пользуясь признанием среди профессиональных шумерологов, ухитрился «дешифровать» якобы» и т. д., – врёт далее В. А. Шнирельман. Зная биографию Кифишина хотя бы по монографии того «Древнее святилище Каменная Могила» (К., 2001), критик умышленно замалчивает признание и поддержку автора его учителем В. В. Струве – академиком, всемирно признанным знатоком клинописей шумерского, ассирийского и др. типов, – и подменяет их авторитеты зловными завистниками таланта А. Г. Кифишина. Профессиональных шумерологов, на которых ссылается Шнирельман, очень немного – и номенклатурный организатор («вождь востоковедения» [2001, с. 760]) травли гения да его друга В. А. Белявского этим и другим профессионалам известен. И вот позиция [2008, с. 28] археолога М. Ю. Видейко, одного из последовательных (с 1994 г.) губителей имиджа гениального шумеролога: «И если

теперь ученые не сомневаются в существовании Дунайского {письма} (Danube script/Old European script), то следует отметить, что трипольцам оно тоже было известно. {...} В 2004 г. на тему древнейшей письменности Европы на севере Сербии была проведена научная конференция под названием «The Signs of Civilization», собравшая несколько десятков археологов». – Ну и чего стоит *полуправда* (что хуже лжи) Шнирельмана и т. п. про «не нашедшие поддержки у специалистов идеи Шилова и Кифишина»?

К таковым злонамеренным спецам "критик" тужится записать и автора монографии «Indoarica в Северном Причерноморье» О. Н. Трубочёва (М., 1999) – фактаж и выводы которой были существенно расширены и подтверждены видными украинскими индологами-санскритологами С. И. Наливайко и В. А. Кобылюхом (чьи книги 2000-2007 годов Шнирельман, понятно, не вспоминает). По словам В. А. Шнирельмана, рецензию на историко-археологическую «Прародину ариев» лингвист-этимолог О. Н. Трубочёв (1996) «заканчивал положительной оценкой книги, но подчёркивал, что эта оценка касается вложенного в книгу огромного труда, но отнюдь не его результатов». Книга – не труд? а оценка – результат исключает? Ну что за словоблудие, господин Шнирельман!... А вот последние абзац и слова публикации той самой рецензии: «Оценивая такую книгу, непростую, как и человеческая судьба Ю. А. Шилова, нельзя забывать, что оцениваешь почти нечеловеческий вложенный в нее труд, попросту неохватный одним взглядом. Смелая устремленность, готовность ставить и решать трудные задачи и искать подходы к труднейшим обычно делают таких исследователей легкой мишенью для критики. Но читатель непредвзятый, к тому же, интересующийся предметом, вынесет из этого чтения очень многое – из свежего материала, обобщений, бесчисленных наблюдений. Из них складывается положительный итог труда Юрия Алексеевича Шилова». Да, «←» монографии рецензент Трубочёв видит и критикует, но оценивает её с позиции «+»; есть и переход (злонамеренно взрываемый «минусовиком» Шнирельманом) между этими неизбежно-закономерными полюсами: «кое-что осталось для меня загадочным и непонятным, как например письменность Триполья, «надписи среднедунайской Аратты» [Шилов 1995: 237 и passim]. Насколько можно полагаться на этот проблематичный источник?». Ну, с 2004-2008 уже полагаются, – даже злопыхатель Видейко.

Переходим к характеристике второго критика-"минёра". Л. С. Клейн весомее Шнирельмана, Отрощенко, Зализняка и т. п.: он не столь критикует чужие концепции, сколь конструирует собственную. Да и на публикации в СМИ почти не опирается, учёных с дилетантами не смешивает (а силится первых, избирательно, выставить в качестве вторых). В остальном же все четверо иже с ними довольно подобны.

Итак, весомейшей, на сегодня, попыткой отыскать *прародину ариев* (вопреки работе, проделанной Ю. А. Шиловым, его учителями и соратниками) да реконструировать её этноисторическую общность в контексте индоевропейского окружения – является монография археолога и культурного антрополога Л. С. Клейна «Древние миграции и происхождение индоевропейских народов» (СПб., 2007: -booksRU-Klein_Dr_migr_IEN), популяризованная сочинением того же автора «Время кентавров. Степная прародина греков и ариев» (СПб.: «Евразия», 2010). Труд преимущественно компилятивен, однако ценен своей масштабностью и глубиной отслеживания дальних миграций в пределах Индо–Европы. Работа содержит множество ценных справок, наблюдений и выводов – сделанных, в значительной мере, и самим автором. Но как любой человеческий труд, этот тоже имеет свои недостатки – в том числе, увы, и губительные. На таковых и сосредоточено дальше наше внимание (а достоинствам трудов Л. С. Клейна фимиам уже воскурён участниками академических их обсуждений, ближайшими коллегами и учениками автора – из Института лингвистических исследований да Института истории материальной культуры РАН, Эрмитажа и Государственного музея истории религий, Санкт-Петербургского университета).

Недостатки трудов Л. С. Клейна выплывают, отчасти, из общего направления да состояния исследований – как озаглавленных тем, так и соответствующих дисциплин исторической науки. Придя к справедливому пониманию искусственности и несовместимости "генетических древ" лингвистики и археологии (ибо «нити культурной

преимущества образуют не дерево, а сеть, из которой свои деревья археологи нарезают по произволу, в основном – чтобы угодить лингвистам»), автор всё же следует бесперспективной, но комфортной традиции: «Археологическая культура – понятие классификационное, соответствующее археологической реальности. А этнос и язык – понятия другого уровня. Но надо же искать связи с археологическим материалом, а в нем другого понятия для территориальной общности не дано» [2007, с. 6-19]. Закономерно, что заведомая бесперспективность не принесла весомости конечным выводам исследования: «Но вообще могут ли такие {...} мне трудно судить. Да и неясно, связаны ли вообще эти {...} Во всяком случае нет ничего невероятного в том, что в будущем будет выявлено {...}» [2007, с. 185].

Сомневающийся (в известной мере и сомнительный) итог – в порядке вещей: в любом явлении помимо жизнеутверждающего «+» непременно есть полярно противоположный «-». Выше об этом уже говорилось. И учитывая сей резон этики, тон итоговых выводов можно бы принять за скромность автора. А чрезмерность восхваления его коллегами «за весь цикл докладов и за последний доклад, в котором очень удобно сведены все линии исследования – строго, логично и не догматично» (из выступления Я. В. Василькова [2007, с. 186]) можно бы счесть комплиментом Л. С. Клейну. Но, увы, тут же засветилась и взрывоопасность – и в этике, и в содержании книги: зачем это автору понадобилось изничтожить своих конкурентов именно в итоговом Заключении («в серьезной книге – так сказать, не много ли чести...»: Н. Н. Казанский)?

Зачем? – спрашивают академики И. М. Стеблин-Каменский и Н. Н. Казанский, доктор наук Я. В. Васильков и другие. И Клейн им отвечает. Сначала намёками: да чтобы прикрыть убожество (см. выше) собственных достижений «в изучении индоевропейской проблемы», чему причиной «наша методологическая слабость и неподготовленность». А в завершающем абзаце своего и прочих всех выступлений выдаёт своекорыстно-корпоративную цель прикрывания: «К книгам о происхождении народов, особенно индоевропейцев, обращаются не только специалисты, но и широкие массы читателей {1: ...} Нужно, чтобы наши книги были конкурентоспособны в этой ситуации. {2: ...}». Контекст признанию придан солидный, почти благородный: «{1: ...} Они набрасываются на все книги по этим темам, и наши научные книги станут в один ряд с «космическими тайнами курганов» {2: ...} Нужно провести четкую границу не только между знанием и незнанием, но и между наукой и лженаукой» этих самых *космических тайн*. – Далее мы увидим подлинную цену и контекста, и ...

Видно, что Л. С. Клейн ополчился против научно-популярной книги Ю. А. Шилова «Космические тайны курганов» (изданной в 1990 г. в солидной серии «Эврика» и отмеченной дипломом Всесоюзного общества «Знание»). При этом академическая апробация и общественный статус книги оппоненту известны – хотя б из дискуссии в журнале ИА НАНУ «Археологія» 1996/2, на которую он и ссылается. Однозначно приняв сторону «дискутировавшей» там против Шилова «научной общественности (см. Зализняк, 2002)» [2010, с. 475], персонифицировав её зловреднейшим из организаторов той самой «дискуссии», Клейн (как и Шнирельман) умалчивает о разоблачении заговора Шиловым [Археологія 1996/2, с. 103, 113-116; 2001, с. 3-17; 2013 с. 766-794] и о положительных отзывах Б. А. Рыбакова и др. (1995-1998 [2013 с. 794-808] да основательной рецензии О. Н. Трубочёва [Вопросы языкознания 1996/3, с. 3-12] на «Прародину ариев» Шилова. А проявлением обратной стороны той же групповщины в сортировании «научной общественности» является, например, высокая оценка Л. С. Клейном работы Е. Е. Кузьминой. Тут уж «оппонент» полагает за «обычный научный спор» полнейшее расхождение исходных фактов да итоговых выводов: «Она отождествляет протоариев или даже протоиндоариев с андроновской культурой Казахстана, я – с катакомбной культурой России и Украины» [2010, с. 475]. Столь очевидная несовместимость простительна для начала исследования арийской проблемы между серединами XVIII-XX вв., но грандиозность последующих материалов и знаний – накопленная благодаря археологическим экспедициям, этимологическим изысканиям, энциклопедическим изданиям данных мифов и этнологии – заставляет делать куда более однозначные выводы.

Тут уж прав или Клейн, или Кузьмина, – или тандем Трубачёва и Шилова (при существенных вкладах В. Н. Даниленко, В. А. Сафронова, С. И. Наливайко), труды которых шельмоватая "общественность" игнорирует или же искажает. И авторитетный учёный Л. С. Клейн самодискредитируется вступлением в её ряды... нет, гораздо хуже: Клейн из тех, кто формирует ряды той самой общественности-"комильфо".

Следовательно, другая часть недостатков книг Л. С. Клейна коренится в его личности да окружении, т. е. почти целиком лежит на совести автора «Древних миграций» и рецензентов. Так, клочками трудов В. Н. Даниленко, «заслуженного украинского археолога {...} совершенно не владевшего научной методикой», методисту (см. выше и ниже) Клейну «приходится пользоваться, потому что в них собран уникальный материал» [2007, с. 176 и сл.]. По той же причине автор «профессионального исследования» Клейн подбирает «специфические аналогии, так сказать, с арийским эталоном» вслед за одним из учеников Даниленко (коим-де присущ «дилетантский подход»), за автором «научнообразного бреда» – за «Прародиной ариев» Ю. А. Шилова. К примеру [2007, с. 63-64], в разделе «Дьявапритхиви?» Клейн сообщает о пластинке-букрании с точечным изображением женской фигуры (трипольская а/к, Бильче Злота), чьи «руки уходят к рогам. Шилов (1995: 364-365) в этом двойном изображении видит бога неба или грозы (то ли Дьяву, то ли Дьяуса, то ли Парджанью), символизируемого быком, и богиней зари Ушас. Но во-первых» и т. д., изобличает. Однако на указанных оппонентом страницах (и с. 357-372 всего раздела) «Прародины ариев» названное им изделие не упоминается вовсе; Шилов сопоставляет тут семантику статуэтки ямной а/к из Златополя с комплексом изображений на стеле из к. 3-І Усатова и соотносит обе с «уходящим в индоевропейское прошлое двуполым Дьяусом-Притхиви ('Небом-Землёй') или Дьявой [1975, с. 118-119]; вполне вероятно также соответствие этого образа их дочери Ушас, богини зари».

Заметно, что Клейн видит неудобные ему труды весьма искривлённо. Полагая при этом, что так в них он «может найти для себя интересные факты и сводки фактов. Но придется совершенно отметить всё, что Шилов нагромоздил по поводу этих фактов, да еще и отсеивать сами факты». Дальше – больше ([2007, с. 177-178], навскидку): Шилов-де «легко находит в любом очертании и обломке его семиотический смысл по Ригведе. Он начинает видеть то, чего не видит никто другой – реальные очертания видит по-иному, по-своему. Вот теперь можно и фиксировать». Это мысли и слова не учёного, даже не здравомыслящего человека. Ведь откуда постороннему-то (в изысканиях Шилова не участвовавшему, черновиков его не выдававшему, и пр.) знать, а *легко* ли тот чегой-то *находит*? А что *в любом* (ой ли!) *очертании и обломке* (чего?) можно найти *по Ригведе* (и только?), – то это словеса о себе возомнившего... видеть из своего далёка *реальные очертания* (раскопанных кем-то где-то курганов?). Вот, мол, дилетант Шилов в былые годы копал и глядел (по-своему, а как же ещё?), а фиксировать теперь можно и (Клейну вместо Шилова, что ли?). – Базар! но отнюдь не Академия наук. Топя в словесной диарее своего конкурента, надо бы Клейну и такое учесть: а не перехлёстывает ли та на Институт археологии АН УССР да НАНУ, который (по Клейну выходит) «горы научнообразного бреда» Шилова четверть века в архив свой копил, открытые листы на раскопки давал, слушал доклады, утверждал темы, печатал статьи... с 1971-1992 годов Шилов в профессии (см. начало Вступления); невозможно же профессионала утопить словоблудием! а, господин теоретик науки?

Вклад Л. С. Клейна в археологическую практику (в личные раскопки, их документирование, архивацию и публикации) весьма скромнен: автор в открытиях тут не замечен. Считаюсь, однако, авторитетным теоретиком археологии – автором всемирно принятой монографии «Археологические источники» (1978) – Клейн позволяет себе публиковать такое: «Шилов защищает основательность гаданий Рыбакова от нападков методичного Формозова. Он {...} выдвигает «способ ключевых фактов», высвечивающий «содержание и сущность массовых источников». {...} Но вот трактовки, которые предъясняет Шилов, просто анекдотичны» [2007, с. 177]. Сравним сей пассаж с опубликованным Шиловым [1995, с. 19, 45]: «Показательно, что обвинив автора

{«Космогонии и мифологии земледельцев энеолита» Б. А. Рыбакова} в субъективизме и прямолинейности логических построений, А. А. Формозов [850, с. 17-18] проигнорировал его указания на то, что для анализа духовного мира недостаточно даже самой добросовестной фиксации факто{ро: *наборщик*}в (к чему тщетно пытался прибегнуть А. А. Формозов) и приходится поневоле обращаться к чреватой субъективизмом дедукции, – но её можно отфильтровать постоянным учётом уровня развития и особенностей хозяйственно-общественного уклада изучаемого населения; главным же критерием правильности конечных выводов «должна быть взаимосвязанность разгаданных сюжетов, слияние их в единую систему» [681, с. 174-175]. {...} Наиболее употребим, хотя обычно неосознанно, способ «ключевых фактов», способных высвечивать содержание и сущность массовых источников [488, с. 90]». И далее: «488. **Мерзоян Л. С.** Проблемы научного факта. – Л., 1972» «681. **Рыбаков Б. А.** Язычество древних славян. – М., 1981», и т. п. Из шести выступивших при обсуждении заключения монографии Л. С. Клейна большинство высказало пожелания автору не снижать его «высокий общий уровень рассмотрения» детальной критикой «анекдотических построений Шилова» (Я. В. Васильков). А предварительно, до распределения клейма и медали, сверить цитаты (хотя бы!) первого с текстами второго – не правило ли даже для студентов? а, господин доктор наук Васильков? И ещё: поддержать друга и лягнуть конкурента – обыденно принято, да... но где же тут служение учёного Истине, где научная этика? Увы, снова базар!

Аргументищем против «Прародины ариев» выставляет Клейн своё цитирование описания Шиловым [в Послесловии к монографии 1995 г., на её с. 624] гибели экспедиционного бульдозериста Б. С. Опришко. Тут „критик” всего лишь повторяет приём вознесённого им представителя „научной общественности”, – но врёт покруче того. Опося выхваченной из контекста цитаты Клейн провозглашает, что после той гибели Шилов-де «не задумался над тем, почему остался невредим он сам, главный виновник раскопок. Его ментальность оказалась очень прочно связанной с представлениями его родного села. Ни университет, ни аспирантура ее не преодолели». Этикой тут и не пахнет, служением Истине – тоже; но смердит шельмовством – эстафетно подхваченным Клейном от избалованного уже в том Зализняка [см.: Археология 1996/2, с. 109-110, 114-116; 2001, с. 9-11; 2013, с. 784, 791-792].

Столь тяжкий диагноз действительно-таки выдающемуся, всемирно известному учёному Л. С. Клейну следует из сопоставления его цитирования с действительно опубликованным на с. 624-625 «Прародины» Шилова. Там, сразу же после выдранный Клейном цитаты (которой "критик" умышленно обрезает смысл книги и делает сие обрезание основой похода против автора и всей «украинской эзотерической археологии»), следует такой вот контекст: «Курганы Цегельня и Кормилица уникальны. В них прослежен переход от докурганного святилища начала среднестоговской культуры в древнейший курган {...} Уникальны выразительнейшие соответствия указанных материалов не только основному мифу арийской Ригvedы, но и основам йоги. В полнейшем соответствии с гипотезами {авторитетнейшего исследователя Ригvedы} Ф. Б. Я. Кёйпера {...}/ Сделанная {геологом-геофизиком} Р. С. Фурдурем дешифровка космо- и аэрофотоснимков показала, что Цегельня, Кормилица, и несколько менее значительных курганов стоят на гигантских «ведьминых кругах», хорошо известных грибникам. Эти круги {...} – следствие изменений в структуре пород, обусловленных гравитационными аномалиями (мантийными каналами)... / Вышеизложенное, а также данные, почерпнутые из указанных выше публикаций, привели меня к следующей гипотезе о сущности курганов и заключенных в них Вратах Б е с с м е р т и я: / Согласно {хирургу-биофизику} Г. Н. Петраковичу, биополе человека (и любого живого организма) образуется {...}/ После смерти в могиле остаются практически вечный скелет и электромагнитное поле {...} / ВСЯ ЛИ ДУША{-БИПОЛЕ}, АВТОМАТИЧЕСКИ ЛИ УХОДИТ ИЗ УМЕРШЕГО В НООСФЕРУ? НЕ НУЖДАЮТСЯ ЛИ ОСТАНКИ В ЗАБОТЕ ЖИВЫХ, А ДУША ДЛЯ СВОЕГО ВОСПАРЕНИЯ – В ПОМОЩИ? Современная наука обязана срочно и конкретно ответить на эти вопросы, а современная культура – перестроиться в соответствии с этим. Нет у человека задачи актуальнее этой!.. Надеюсь, что «Прародина ариев» поспособствует

и выдвижению, и решению данной задачи.» – Вот это и есть последние слова Послесловия (за пределами монографии т. е.). А господин Клейн умышленно лжёт: «не задумался {...} ментальность оказалась {...} аспирантура ее не преодолел{а}».

Критиканам вроде Клейна могу и сейчас повторить то, что сказал Зализняку иже с ним на обсуждении «Прародины» в Институте археологии НАНУ [Археологія 1996/2, с. 114-115; 2013, с. 784, 791]: «Изучая «материальную» и пытаясь понять «духовную культуру», мы, археологи и прочие гуманитарии истматовской выучки – занимались лишь веществом, упуская из виду полевую первооснову материи. И когда мне (а также погибшим на этом Б. Н. Мозолевскому, Н. А. Чмыхову и др.) приоткрылась полевая, а не только лишь вещественная сторона смерти в древних обрядах, я счёл своим долгом, хотя бы на доступном мне уровне и зафиксировать, и понять, и обнародовать это. А вы, коллеги, вместо «спасибо» пытаетесь угробить этим «Прародину ариев»... Да, {...} рано или поздно с археологии спросится: а что стоит за «материальной культурой», за вещами и костяками?»... Мы что, раскопщики-профессионалы, и впрямь бездушно разрушаем чужие могилы? не задумываясь при этом о неизбежности собственной смерти? не пытаюсь выход найти? Что трансформаторы электроэнергии не содержат убийственных ведьм, но и ковыряться абы-как в себе не дают, – это археологи и пр. уже понимают. А зачем встраивались гробницы в *мантийные каналы* (сиречь «ведьмины круги») и можно ли безнаказанно там шуровать – то "настоящие" археологи ни видеть, ни знать не желают. И другим не велят. Но чем меньше хотят зализняки-клеины в том разобраться, тем ничемнее их рассуждения о *брахманизме, йоге, Ригведе, майданах*... им уж и ныне «трудно судить. Да и неясно {...} в будущем будет» – и научно, и житейски. Помирать ведь приходится всем, в том числе и отказывающимся от исследования глубин смерти исследователям-разрушителям захоронений. Сии истматовцы априори уверены, что биополя (если таковые и есть!) гибнут в одночасье с телами, и что не отвечают они – раскопщики-разрушители – за деяния свои ни до, ни после собственной смерти... ну-ну.

Клейма изобрёл вовсе не Клейн – выжигатель «эзотерической и политизированной археологии» словесами вроде «это если не макулатура, то во всяком случае мистификация публики и дискредитация науки, размывание границ между мистикой и наукой». "Конкурирующие учёные-материалисты", заявленные Л. С. Клейном и рецензентами его монографии, уже правили бал – в родственных ситуациях бывшего СССР. Всяко бывало в его НИИ и др. Но там так же, как ныне, жонглировали нарезками искажённых строк изничтожаемых конкурентов. Там также неизменно господствовали «в новых условиях идейного разброда» опричники официоза – кои сулили ему «проанализировать искушения, обуревающие каждого исследователя, и дать (особенно молодежи) противоядие в этом деле» [2007, с. 176, 186]. Вот какою, традиционной, дудюю воспользовался всемирно признанный археолог-теоретик Клейн! осознанно заманив ею в омут дискредитации несомненно выдающихся специалистов двух академических НИИ, столичного университета, Эрмитажа и Госмузея. Хотелось бы верить, что те спецы не из заявленной Клейном, а из воистину расчудесной научной общественности... но, увы! Увы-увы: уроки истории не учат, как видим, даже видных историков. Что поделаешь: всюдусущие «+» и «-», неистребимый Закон МИРОЗДАНИЯ.

Ну ладно, снизим уровень спора. Ведь и впрямь не по силам "борцам с эзотерикой" истматовской выучки, "*материалистам*"-*вещеводам* расширить археологическое источниковедение на пограничье полевых основ того же материального мира. Их уровень в «эзотерику» впадать не велит, предлагая взамен борьбу против «шиловщины» (Ю. Я. Рассемакин, Е. Е. Фиалко), а заодно супротив Рерихов и Рыбакова, коих Шилов причисляет-де – о позор! "не комильфо!" – к «своим научным ориентирам, своим вдохновителям» (Клейн).

Но даже на традиционно утвердившемся уровне, как может Л. С. Клейн – рассматривая в своей монографии среднестоговскую культуру, происхождения курганов, стел, гробниц, мегалитов вообще – да проигнорировать материалы Цегельни и Кормилицы верховья Днепровских Порогов? Ладно, поверим ему, что чертежи раскопок и реконструкций этих двух и др. курганов Нижнего Поднепровья кто-то где-то выполняет

уже настолько лучше Ю. А. Шилова [1995, рис. 12-22, 50-53; см. выше об учебном пособии 1989 г.], что ему «не верят многие коллеги» [2007, с. 177; см. выше: 2011, с. 167-169]. Но почему тогда "критик" не обратился к публикациям других археологов? – которые также обнаруживают (с 2002, если не с 1990 г.) в районе Цегельни–Кормилицы чрезвычайно важные источники, ключевые для «Древних миграций и происхождения индоевропейских народов» Л. С. Клейна. Опять деление авторов и фактов на "свои" да "ненаши"? Которое совсем уж пагубно, для работы Клейна, игнорированием им монографических исследований Каменной Могилы М. Я. Рудинским (1962), В. Н. Даниленко (1986), Б. Д. Михайловым (1993, 2004, 2008), А. Г. Кифишиным (2001). Такая прореха в историографии да источниковедении делает исследования проблем мегалитов и жречества Клейном ущербными, весьма уязвимыми. Тут уж получается не только уродование чужих работ и престижей, но и уничижительное самообрезание автора. Таков закономерный итог исповедуемой им групповщины в отношении и к людям, и к памятникам.

И в заключение моего взгляда (тут: с позиции навязанной мне полемики) на исследования Л. С. Клейна. Сей археолог хотя и эрудит, и даже как бы теоретик – но не выше истматовского потолка, Ю. А. Шиловым (т. е. мною) уже превзойдённым [1995, 2013 а-б: II издание «Прародины ариев» да «Ноосфера и Спас»]. Поэтому, несколько перефразируя оценку меня оппонентом, скажу ему на прощание так: «Здравые мысли (они посещают Клейна) теряются в горах наукообразного хлама». Специалистам тот хлам, несомненно, полезен (как судмедэкспертам, к примеру, плевки) – но нужен ли он кому-то ещё? ...

...а вот *Бессмертные души!* – ах как нужно, и не только «в новых условиях идейного разброда». Нужно во все времена всем народам, каждому из живущих людей! И археология (наряду с биофизикой и др. дисциплинами естественных, отчасти и гуманитарных наук) дозрела уже до решения сей грандиозной проблемы.

* * *

Проведя не одно сопоставление своих текстов с цитатами „критиков”, целиком возвращаю Клейну слова, что Шилов-де «энтузиаст и подвижник», к которому «я не питаю никакой враждебности лично» (взаимно, Лев Самуилович, взаимно!). Но слова «отнюдь не мошенник и не фальсификатор» вынужден вернуть (как вывод из вышеприведенных сопоставлений, как моё определение автора *ярлычка*) без слов «отнюдь не {...} не»: пользуйтесь, господин Клейн, сей редакцией собственного клейма-ярлыка – для корректировки самооценки.

Оставим на совести Клейна–Шнирельмана и С^о их декларативную чистку науки от фальсификаторов и дилетантов. Цена той совести да деклараций нам теперь уж известна. Понятен также абрис их «конструирования этнократических мифов», исподволь выдвигаемых на расчищаемое от индоевропейских святынь и авторитетов пространство. Даже закрывая глаза и ум на очевидности идеологической заангажированности компаньонов, в любом случае остаёмся под беспощадным прицелом этих злонамеренных «минусовиков»: разрушителей преимущественно «плюсовой» реальности, пытающихся противопоставить ей искусственно-лживую, вирусно-нежизнеспособную альтернативу.

Среди изничтожаемых «плюсовиков» Шилову особо досталось, как видим, не только за принадлежность именно к такой научной общественности, сгруппировавшейся вокруг академиков Б. А. Рыбакова и О. Н. Трубачёва, не только за следование соответствующей школе В. Н. Даниленко. Акцентирование „антишиловской” позиции именно Зализняка, да ещё изложенной в его статье 2002 г. (см. выше), заставляет считать выходы Клейна за рамки этики и здравого смысла – разрывом между научной истиной и дипломатией в пользу обнародованной Зализняком–Отрощенко иже с ними этнократической конструкции минусово-взрывоопасного качества. Ведают, “критики”, что творят – и творят эстафетно: те двое в 1994-2002 гг., затем Клейн–Шнирельман в 2007-2011 гг. Скачут – и «Прародину ариев» Шилова да «Indoatrica в Северном Причерноморье» Трубачёва, да соответствующие труды Даниленко и Рыбакова тужатся на скаку

со своей дороги убрать... Такие вот выводы и наблюдения из публикаций „эстафетчиков” 1994-2011 гг.

Впрочем, не только «+» без «-», но также «-» без «+» не бывает. И я неизменно благодарен своим злопыхателям за то, что поднимают мой тонус. Без их стимуляции вряд ли увидел бы при жизни памятник «Академіку Шилову Ю. О.» (2005, Комсомольск на Полтавщине; инициатива «Польского Исторического товарищества» США, исполнено краеведом Н. П. Стахивым) да монумент моим трудам «Культура моей Родины за 20 тысячелетий» (2006, Днепрпетровск; инициатива и работа московского академика В. Н. Пруса).

Направленность вышеуказанных книг мэтра археологии и культурной антропологии Л. С. Клейна окончательно подвигли меня к подготовке III редакции «Прародины ариев». Тут я усилию раскрытие фактов – систему ценностей и взаимосвязей которых осознал за 45 лет собственных (в контексте, ясное дело, чужих) разведок, раскопок, осмыслений и пр. Цену разглагольствований Клейна о владении им (и не владении-де мною) методики мы уже повидали. Не дилетант, конечно, но до Шилова ему весьма далеко. Ибо мною a-b) открыты Аратта и принадлежность к ней «Веды словена», c-d) через становление «Риг-Веды» конкретизирована прародина ариев, e-f) увязка обеих пар явлений да их между собой осуществлена универсальным ключём: рассмотрением мифоритуалов эпически-мемориальных сооружений – фигурных селений и курганов; g-h) выявлен основополагающий геном становления Ведической цивилизации Аратты-и-Ариана: жреческое раскрытие архетипов и формирование Спасительства с подразделением на араттского Коледу и арийского Индру... А методику Л. С. Клейна я уже к сведенью принял: учась у Б. А. Рыбакова и В. Н. Даниленко, В. А. Сафронова и О. Н. Трубочёва, готовя коллективные и собственные учебники (1986, 1989; 2007) для обязательного да «факультативного изучения студентами всех исторических факультетов вузов России и Украины» [2013, с. 2: издательская рекомендация А. М. Аратова, член-корреспондента Академии теоретических проблем при РАН].

Отрощенко, Клейн, Шнирельман лживо трубят про уход Шилова из археологии и науки вообще. Делают вид, что мои монографии 2002, 2004, 2006-2007(-2013) гг. не существуют. Между тем, начиная со статей 70-х годов, в них собран и систематизирован огромный фактаж. Взаимопроверяемость в нём данных археологии, лингвистики, этнологии дезавуирует возможные ошибки, не даёт им утвердиться в конечных выводах. И главнейшее (на сегодняшнее состояние науки) в опубликованной системе той таково:

1. Развёртывание **Великой Неолитической революции** привело к договорённости далекородственных населений земледельцев-скотоводов южного и охотников-собирателей северного побережий *А-Ки-Ан'*а (> *Океан* → *Понт* и т. п. + Меотида > Чёр(м)ное и Азовское *моря*) о взаимопопоци и сосуществовании.

2. Составленный при этом обоими правительствами **договор (около 6680 г. до н. э.)** отразился в копировании фрагментов летописи *Каменной Могилы* (на украинской, ныне, Запорожщине) и перенесении их в храм 23/VII *Чатал-Гуюка* (в турецкой Анатолии). Этот древнейший из письменных договоров засвидетельствовал **проявленное начало Евразийской и Земной цивилизации-государственности, а заодно и творящей её индоевропейской этнолингвистической общности** (с полюсами малоазийским или южно- да восточноевропейским или *северопонтийским*).

3. **Действительное начало калицы-цивилизации Аратты** отразили города (5000-2750) трипольской а/к 5400-2250 гг. до н. э., созданные освоившей Дунайско-Днепровский регион той частью аборигенов, которая породнилась с выходцами из Малой Азии. Помимо археологических и лингвистических данных, события отражены древнейшим Священным Писанием – «**Ведой словена**». Она же, наряду с прочим, показывает **этнолингвистический эталон** (т. е. генерирующую сердцевину ядра) индоевропейской Аратты.

4. Показателем государственности **Аратты** оседлых земледельцев лесостепей стали их **города**, а кочевых пастухов степей догосударственного её окружения (которое можно

тут, с известной долей условности, назвать *Ариан*) – *курганы*. У преддверия Тавриды (Перекоп, речка Зарама), у Каменной Могилы, в верховье Днепровских Порогов (окрестности Келебердянской переправы) удалось проследить, что становление курганной обрядности началось под воздействием араттских миссионеров и протекало в русле становления среднестоговской а/к, отражающей основу общности ариев. Помимо курганов, она структурировалась (правителями Аратты и Ариана с 5400-5300 гг. до н. э.) творением сопряжённой с ними «*Риг-Веды*» – своеобразного отростка «*Веды словена*».

5. Более-менее подобные тандемы, так или иначе связанные с аратто-арийским тандемом "(пра)индо-(пра)европейцев" Дунае–Днепровского региона, западнее и восточнее его формировались иные ядра-и-оболочки индоевропейской и др. общностей; севернее же их, в зоне лесов, ещё около трёх тысячелетий проживали племена, консервативные во всех отношениях – постепенно, а временами импульсно, вливавшиеся в индоевропейские и др. горнила Евразийской истории в её хозяйственных, этнических, общекультурных аспектах. {Сей уровень и ниже его, пока что почти без принятия Аратты и Ариана да многого из сказанного в 1-4 и 10-11, уже давно исследует научная общественность (не только лишь в клейновском её понимании)}.

6. "*Библейский Потоп*" (скорее, серия таковых между 5550-3200 гг. до н. э.; менее существенные случались и позже) в акватории Океана-Понта весьма стимулировал миграции как *в* и *через* Дунайско-Днепровский регион, так и *вовне* из него («азово-черноморская линия развития», по В. Н. Даниленко и т. д.). Особо важными стали те импульсы, что породили приурмийскую *Аратту-II* и пенджабскую *Аратту-III* – по-разному (ввиду местных субстратов и пр.) отличных от материнской. Вторая, в свою очередь, стимулировала становление классического *Шумера* – пракорни которого прослеживаются не только в *Аратте-I*, но и в архиве Каменной Могилы да в окресных курганах.

7. *Арийская общность* при Аратте-I была изначально ориентирована, а постепенно и структурирована как сплетение «индо-иранских» ветвей. Максимум активизации процесса пришёлся на период *угасания и миграций* *коренной Аратты*, что отнюдь не случайно совпало со становлением *Шумера* между 3200-2316 гг. до н. э. Традиция *араттских миссионеров в Ариане* прослеживается от новоданиловской до кеми-обинской а/к включительно; месопотамская же линия структурирования (с несомненно шумерскими следами у Каменной Могилы и в Кавказскую сторону) – от нижнемихайловской до старосельской и раннекатакомбной а/к... Подобно Аратте-I, Аратта-II тоже обзавелась арийским сателлитом, археологические памятники которого сосредоточены у озера Севан и напоминают южноуральскую Синташту.

8. В мощнейшем жреческом (явно не государственном – как 3 араттских да 1 шумерский) центре Каменной Могилы обнаруживаются связи также с Троедой и Египтом; такие связи особо наглядны и в ингульской а/к. В этой позднекатакомбной культуре прослеживаются араттские традиции усатовского варианта Триполья, арийско-хурритские традиции Михайловки-III, прочные связи с прозападной среднеднепровской а/к. Ингульскую а/к (но не только её) можно соотнести с *гиттами/гиксосами*, которые в 1700-1580 гг. до н. э. овладели *Египтом*, а также приобщились к греческому этногенезу.

9. Подтягивание ариев-переселенцев к Аратте-III было не менее сложным процессом, который сконцентрировался в наиболее *мощной миграции середины II тыс. до н. э.* На родине бывшей Аратты-I эта миграция отразилась в быстром и массовом распространении прозападной сабастиновской а/к, носители которой *практически прекратили 37-вековую традицию строительства курганов (но зато резко возродили строительство поселений)*.

10. Традиции трёх цивилизованных Аратт и большего количества арийских центров прослеживаются во многих индоевропейских и др. этнокультурах мира – от античности (Боспор и Скифия, др.) до современности. Так, *феодално-тоталитарная Русь* изначально вобрала в себе мощнейшие наследия общинных *Арты-Арсании* и *Дандаки-Дандарии* с их 'Святостью' да 'Жезлоносностью' (наследия, сконцентрированные напоследок в Сечах православного казачества... да и в их Респубиках 1918-1922 гг.).

11. Означенная выше *основа «двоевластия-и-двоеверия» – общинности и деспотизма, православия и христианства – (восточно)славянской культуры от Руси (Само, Моравии и др.) до сегодня* относится к важнейшим, но не существенным выводам «Прародины ариев» всех трёх редакций. Итоговая суть проделанной Ю. А. Шиловым работы {sic! это против чего особо ополчились Клейн со товарищи} сконцентрирована в его т. е. моей монографии «Ноосфера и Спас» (Киев, 2013).

Помимо очерченной схемы 1-11, в ней и около прослеживается масса важных деталей и проявлений... Ну, а методология исследований? – Она сопряжена с пунктом 11.

Методология наработана мною (начиная с 1972-1994 гг.) вместе с выдвижением постистматовской, *Новой Теории истории* человечества. Основная формула НТИ многократно публиковалась (особенно в [2013 а-б]). Она имеет вид креста и подобна «нотному стану». "Нот", условно говоря, здесь всего-то 4: Ф) *формальные*, вещественные проявления материального мира; С) его же *существенные*, полевые основания; +) полюс бытия; –) полюс небытия. Первая пара – по вертикали; вторая – по горизонтали. А на перекрестии ©, *содержание*: "скрипичный ключ", так сказать, всей системы – обозначающий в ней реальный мир нашей с вами жизни (где взаимопереплетаются 4 вектора, пульсируют-и-вращаются подсистемы +С и Ф–).

Пользоваться и методическим а–h, и методологическим +С:Ф– довольно просто – не сложнее нотного стана. Но в обоих случаях... увь, не всякий знающий – да стаёт виртуозом.

* * *

Исполняю, образно говоря, мелодии в различных жанрах. Помимо названных выше монографий, учебника и научно-популярной книги, в 1990-2013 гг. издал немало публицистики, а также художественности. Особо примечательны исторический роман «Начало Начал» (К.: 1996, 2006; М.: 1997, 2002; др.) и трилогия документальных романов «Зерцало Грядущего» (Киев: 2001, 2003, 2005; Минск 2004; Москва 2006). Во всех популяризируется очерченное в 1-11, а трилогия живописует и современное освоение тех пунктов научными, политическими да прочими течениями культуры... А то, что Л. С. Клейн (о Л. Л. Зализняке и пр. и речи тут нету) выстроил в своих трудах 1978-2010 гг. – альтернативой считать невозможно. Хотя при желании, да в подходящей среде «идейного разброда»... вспомним-ка, ещё раз, уроки истории хотя бы 1917-1991-... годов.

Виртуоз ли я, Ю. А. Шилов, – спросите у создателей памятника и монумента. А также у конфисковавших было «Прародину ариев» в 1995 г., у запретивших в 2000 г. мой (с режиссёром Д. И. Богдановым) фильм «До Рождества, до Потопа»; отсутствие государственных отличий и званий обоих режимов, разграниченных 1991 годом, – тоже наглядный тому показатель; беспардонная травля научной "общественностью" и замалчивание писательской – также выказывает оценку моих произведений... Ну – не Орфей я, не Икар, и не Данко, – ибо знаю: куда, зачем, с кем. Я есмь потомок оратаев из гибнущей правды Села, из почти уже бездыханной Аратты.

Ничё', воскреснем – с началом новой весны. Уже воскресаем!

академик Ю. А. Шилов

Киев: 28.10 – 09.11.2013